

В заключение необходимо сказать, что книга весьма содержательна и несомненно представляет собой выдающееся достижение советской исторической науки и фольклористики. Автор увидел закономерности там, где его предшественники видели разрозненные факты. Сделанные им открытия представляют собой значительный вклад как в изучение истории, так и в изучение фольклора.

В. Я. Пропп

В. К. Гарданов. *Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.)*. Издательство «Наука», М., 1967, 331 стр.

Рецензируемая книга известного кавказоведа В. К. Гарданова представляет большой интерес как для этнографов, так и для историков.

Автор посвятил свое исследование адыгским народам, составлявшим в XVIII — первой половине XIX в. одну из наиболее крупных этнических групп Северного Кавказа и входящим ныне в три автономных государственных образования. Хронологические рамки исследования обосновываются автором тем, что, с одной стороны, изучение периода XVIII — первой половины XIX в. обеспечено большим количеством разнообразных источников, с другой — тем, что общественный строй адыгов еще не подвергся в это время сильному влиянию России. Последнее обстоятельство позволило В. К. Гарданову показать все своеобразие протекавших у адыгов сложных социально-экономических процессов, влиявших и на общественный строй других народов Северного Кавказа. Возможность наблюдать развитие у адыгов феодальных отношений на конкретном историческом материале обуславливает социологическое значение выбранной автором темы, важной для изучения общих вопросов генезиса феодализма.

В. К. Гарданов основывает свое исследование на огромном круге разнообразнейших источников, бывших предметом его многолетних разысканий. Это прежде всего архивные документы фондов русских центральных и местных учреждений. Особое место среди источников, привлеченных автором, занимает обычное право адыгских народов, знатком норм которого он является. В. К. Гарданов не только подверг глубокому анализу те сборники адатов, которые были составлены по распоряжениям русского правительства в первой половине XIX в., но изучил также их применение в судебной практике, что позволило ему сделать ряд тонких наблюдений. Широко привлечены как опубликованные, так и неопубликованные описательные труды иностранных и русских авторов. Впервые в исторической литературе детально использован недавно найденный и еще ожидающий издания замечательный труд адыга Хан-Гирея «Записки о Черкесии» 1836 г.

Всестороннее знание литературы — дореволюционной и советской — позволило В. К. Гарданову сосредоточить свое внимание на вопросах, недостаточно изученных и дискуссионных. К ним он справедливо отнес следующие: расселение, племенной состав и численность адыгов в изучаемый период; соотношение различных отраслей их хозяйства; формы землевладения и социально-классовая структура; роль дофеодальных институтов в феодальном адыгском обществе. Исследованию перечисленных вопросов автор и посвятил насыщенные содержанием четыре главы книги. Выводы всегда основаны на богатом конкретном материале и его теоретическом анализе и в большинстве случаев представляются убедительными. Вместе с тем некоторые вопросы нуждаются в дополнительных разысканиях, к которым побуждает само содержание книги. К ним прежде всего относится тема первой главы: «Территория и численность адыгов», являющейся в известной степени вводной.

Страницы книги, посвященные занятой адыгами территории, — историко-географический этюд, ценный для создания соответствующей исторической карты. В. К. Гарданов оговаривает, что пользуется преимущественно подробными сведениями первой половины XIX в., которые позволили ему сделать выводы о происшедшем к этому времени слиянии ряда этнических групп (условно — «племен») в более крупные и о значительном увеличении численности так называемых «демократических» племен за счет крестьян, бежавших к ним от феодальной эксплуатации с территории «аристократических» племен. В разделе о численности адыгов автор скрупулезно сопоставляет показания источников, сводя их в две таблицы (стр. 32 и 42).

Преимущественное внимание автора к источникам первой половины XIX в. ставит перед будущими исследователями задачу изучить изменения, происходившие на протяжении предшествующих веков в расселении и численности адыгов. Здесь кавказоведам настоятельно нужна помощь тюркологов. Еще в 1961 г. Институтом народов Азии АН СССР опубликован первый выпуск сочинения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби; выход в свет второго выпуска, относящегося к его путешествиям по Северному Кавказу, задерживается. Остается пока вне поля зрения исследователей и карта Северного Кавказа, приложенная к константинопольскому изданию 1732 г. «Джихан-Нума», труда другого турецкого автора XVII в. — Катиб Челеби; И. Ю. Крачковский датирует карту первыми десятилетиями XVIII в.

При определении численности различных адыгских этнических групп автор привлекает данные о количестве дворов и их населенности, приходя к выводу, что наиболее

вероятной цифрой для адыгского населения 1830-х — 1840-х гг. является 500 тыс. человек обоего пола; средней нормой обитателей адыгского двора автор считает 5—8 человек. Понятно, что для определения численности адыгов вопросы о количестве и населенности дворов имеют решающее значение. Но здесь далеко не все ясно. Входят ли во все использованные автором подсчеты дворы феодалов с их многочисленным населением? Учитываются ли лагунапыты (разряд крепостных крестьян у кабардинцев), жившие своими домами, но во дворах феодалов? Включает ли автор в приведенную им цифру населения унаутов — рабов, не имевших своих дворов? Вопрос о населенности адыгского двора в первой половине XIX в. нуждается в дополнительном изучении.

В главе о хозяйственном строе адыгов большой интерес представляет новый и хорошо обоснованный вывод автора о преобладающем значении у горных племен земледелия, а на равнине — скотоводства, бывшего здесь, по мысли автора, экономически наиболее целесообразным видом хозяйственной деятельности в социально-экономических условиях того времени. Обширный конкретный материал, привлеченный В. К. Гардановым, убеждает, что он прав в полемике с рядом предшествующих авторов. Менее разработаны разделы, посвященные домашней промышленности и ремеслам и особенно торговле.

Для последнего раздела, как и для определения численности скота у адыгов, автор пользуется известным трудом французского консула в Крыму в 50-х годах XVIII в. Ш. Пейсонеля (Ch. Peyssonel). Несмотря на большое значение этой книги для изучения истории адыгских народов, она до сих пор не подвергалась сколько-нибудь серьезному историко-ведческому анализу.

Первая задача, которая встанет перед будущими исследователями труда Ш. Пейсонеля, — перевод на современные меры турецких и крымских мер веса (квинтал, ок и др.). Широко распространенное в литературе отождествление квинтала в труде Пейсонеля с центнером в современном его значении завывает приведенные Пейсонелем сведения. Вторая историко-ведческая задача — проверка цифр Пейсонеля, данных не в весовых единицах, а в числе штук товара. Цифры, относящиеся к изделиям адыгской домашней промышленности, если принять их без критической оценки, свидетельствуют о наличии у адыгов товарного производства и во всяком случае противоречат определениям В. К. Гарданова, который правильно, на мой взгляд, характеризует хозяйство адыгов как натуральное (стр. 112) и говорит о «почти полной оторванности крестьянской семьи от рынка» (стр. 133).

Развитию торговли адыгов с Россией и непоследовательной политике русского правительства в этом вопросе автор уделяет стр. 114—122, не ставя своей задачей подробное исследование данной темы. Изучение обширного фонда Кизлярской крепости и кизлярской таможни остается задачей будущего и затруднено неоднократной переброской этого ценного фонда, хранящегося в настоящее время в Центральном гос. архиве Дагестанской АССР в Махач-Кала. Перспективным представляется и исследование по материалам астраханской таможни корней русско-адыгской торговли, уходящих в XVII в. (для XVII в. — в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, для XVIII в. — в Гос. архиве Астраханской области).

Глава третья — «Система адыгского феодализма» — обобщает многолетние исследования автора и раскрывает своеобразие феодальных отношений у адыгских народов.

Один из сложных вопросов изучения адыгского феодализма — выяснение характера феодальной собственности на землю, не получившей четкого юридического оформления. На обширном конкретном материале В. К. Гарданов показал распространенный у адыгов «фамильный» принцип феодального владения, обычный как в княжеских семьях, так и у уорков высших степеней, и постепенное его вытеснение частно-семейным принципом с наследованием по отцовской линии. Начало борьбы этих двух принципов автор относит к первой половине XVIII в. (стр. 144) и прослеживает ее развитие как на примерах судебных дел с применением норм обычного права, так и на мастерском анализе двух списков землевладельцев Кабарды — 1839 и 1846 годов (стр. 144—147). Замечу, что некоторые явления, отнесенные автором к XVIII в., известны и по источникам XVII в.

Другие разделы главы посвящены характеристике класса феодалов, класса крестьянства и отражавшей классовое деление системы композиций.

Детально рассматривает В. К. Гарданов иерархическое деление адыгского феодального класса. Ярко показаны закрепленные нормами обычного права прерогативы адыгских князей, их взаимоотношения с вассалами — уорками и феодально-зависимым крестьянством. Впервые дана с такой наглядностью картина княжеских набегов и междоусобий, свидетельствующая о том, что «адыгские князья не только не способствовали экономическому и политическому развитию страны, но были ему прямой помехой» (стр. 179). Содержательны страницы, посвященные княжеским вассалам — уоркам. Автор сравнивает положение уорков двух высших степеней с положением бояр-вотчинников на Руси. Интересно объяснение термина «козлары» русских источников XVII в. от кабардинского термина «кодз», «коц». В. К. Гарданов прав, ссылаясь на известия итальянца Интериано как на доказательство наличия у адыгов феодальных отношений уже в XV в. Приходится, однако, признать, что из-за скудости источников начальные этапы складывания феодальных отношений у адыгов остаются малоизученными, и едва ли можно надеяться на разгадку происхождения адыгских князей (пши), уорков высших степеней (тлакотлешей и деженуго).

В разделе о крестьянстве автор уделяет много внимания тфокотлам и выяснению путей их превращения из свободных общинников в феодально-зависимых, а иногда и крепостных крестьян. Источники XVIII и первой половины XIX в., записи адатов, судебные дела дают автору богатый материал. Незавершенность этого процесса является, по мнению автора, одной из важнейших особенностей горского феодализма, его «относительно недостаточной развитости». Пробелом, вызывающим необходимость дополнительных исследований, надо признать отсутствие специального раздела об унаутах-рабах, положение которых не могло не влиять на положение крепостных крестьян.

Как известно, авторы, наблюдавшие адыгов в первой половине XIX в., делили их племена на «демократические» и «аристократические». В. К. Гарданов показывает условность первого определения. Он обосновывает положение о том, что у племен абадзехов, шапсугов и натухайцев также существовали феодальные отношения, хотя и менее развитые, чем у так называемых «аристократических» племен, и что так называемый «демократический переворот» конца XVIII в. не уничтожил радикально господства феодалов и вызвал новую своеобразную форму феодализации, выдвинув верхушку крестьянства — старшин. Причины уходящих вглубь различий в общественном строе отдельных адыгских этнических групп остаются недостаточно выясненными.

Последняя глава — «Некоторые особенности классовой борьбы и общественно-политического строя» — имеет выдающееся значение для раскрытия особенностей адыгского и шире — горского — феодализма. Автор с исчерпывающей убедительностью показывает, как нормы обычного права и сложившиеся в еще дофеодальный период архаические институты прикрывали феодальную эксплуатацию. Гостеприимство, куначество, патронат теряли архаические черты и использовались феодалами для увеличения числа зависимых людей. Еще в более ранней статье «Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в.» («Сов. этнография», 1960, № 5) В. К. Гарданов развил эту концепцию на материале, относящемся к ряду северокавказских народов. В рецензируемой книге он расширил и углубил свою аргументацию применительно к адыгскому общественному строю.

В разделе об адыгских братствах автор, наоборот, показывает, как архаический институт братств, в древнем своем значении родственных союзов, превращался в организационную форму классовой борьбы крестьянства против феодалов. Вопрос о «братствах», почти совсем не изученный, получает в книге В. К. Гарданова совершенно новое и интереснейшее освещение.

Изучая проявления классовой борьбы в адыгском обществе, автор ищет ее корни в XVII в. Он анализирует известия трех авторов — Д. Белля, Н. Л. Каменева и Н. Витзена. Последний передал в своем труде 1692 г. рассказ из книги «анонимного английского писателя», изданной во французском переводе в Париже в 1679 г. Рассказ этот — о восстании «чиркассов» против «крупной и мелкой знати» — В. К. Гарданов относит к причерноморским и прикубанским адыгам.

Поиски источника пересказанного Витзеном сообщения привели к результатам, вызывающим сомнение в правильности такого толкования источника. Витзен очень неточно пересказал текст о «чиркассах» из французского (тоже не вполне точного) перевода де Барра (Des Barres) изданной в Лондоне в 1671 г. книги Самюэля Коллинса, состоявшего в 1660-х годах в течение девяти лет врачом при царе Алексее Михайловиче¹. Посвященная «чиркассам» X глава этой книги носит явные черты компилятивности, привнесенные, возможно, не Коллинсом, а теми «учеными и искусными» людьми, которые подготовили посмертное издание незавершенной Коллинсом рукописи. Хотя в книге Коллинса нет указания Витзена на Борисфен и берег Меотийского моря как места жительства «чиркассов», отнесение известия о восстании против знати и дворянства (nobility and gentry) к прикубанским и причерноморским адыгам весьма сомнительно. Склоняюсь к мнению П. Киреевского, который, публикуя русский перевод сочинения Коллинса, отнес сообщения главы о черкасах к малороссиянам². Если Киреевский прав, восстанием чиркасов, у которых солдаты называются «козаками» (cossachs), английский автор, следуя каким-то польским источникам, назвал борьбу украинского казачества против господства поляков.

Раздел о дуальной организации у адыгов несомненно привлечет внимание специалистов-этнографов и получит их компетентную оценку. Позволю себе заметить, что если поиски следов дуальной организации в адыгских генеалогических легендах и в играх убедительны, то возможность проследить ее пережитки в структуре адыгского общества вплоть до середины XIX в. представляется спорной.

Книга В. К. Гарданова, обобщая его труды, является новым крупным вкладом в советское кавказоведение. Как и всякое большое исследование, она несомненно даст толчок дальнейшему изучению ряда вопросов истории адыгских народов.

Е. Н. Кушева

¹ «The present state of Russia in a letter to a friend at London, written by an eminent person, residing at the great Tzars court at Mosco for the space of nine years», London, 1671, chapt. X.

² В «Чтениях Об-ва истории и древностей российских», 1846, № 1. То же мнение высказывает В. Граф (W. Graf) в комментариях к нем. переводу книги Коллинса (см. «Slawisch-Baltische Quellen und Forschungen», Hf. 4, Leipzig, 1929, S. 82).